

Александра Девиль

Захватывающий сюжет романа переносит читателя в Киевскую Русь XII века. Смелый и предприимчивый купец Дмитрий больше всего ценит человеческую жизнь и всегда сражается с теми, кто ее отнимает, будь то степной разбойник, морской пират или наемный убийца. Но не меньше ценит он и свободу выбора. Отказываясь от навязанной ему невесты, он навлекает на себя княжеский гнев и попадает в темницу. И внезапно помощь приходит к нему оттуда, откуда он меньше всего ожидал, а вместе с ней и любовь...

ОБЕРЕГ ВОЛХВОВ

ISBN серии

ISBN 978-617-12-5600-2

9 786171 256002

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5408-4

9 786171 254084

Александра Девиль

ОБЕРЕГ ВОЛХВОВ

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

Александра Девиль

ОБЕРЕГ ВОЛХВОВ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
Д26

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайн обложки агентства «ТИМ+»

ISBN 978-617-12-5408-4
ISBN 978-617-12-5600-2 (серия)

- © С. Кравченко, наследник, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Магия истории

Александра Девиль известна читателям как автор историко-приключенческих романов «Перстень Дарины» и «Изумрудное сердце». Поклонникам этого увлекательного и познавательного жанра, без сомнения, будет интересно узнать больше о писательнице и ее произведениях. Предлагаем вашему вниманию фрагмент беседы Александры Девиль с известным журналистом, членом Всемирной Ассоциации русской прессы Леонидом Гамольским.

— Александра, я знаю, что раньше вы занимались наукой. Мы привыкли к тому, что если научные работники приходят в литературу, то, как правило, публикуют документальные, научно-популярные опусы, мемуары. Но откуда у вас такой интерес к художественной прозе, истории, психологии?

— Склонность к творческим занятиям сопровождала меня всегда. Со школьных лет я увлекалась театром, кинематографом, поэзией, немного рисовала. На праздничных вечерах была и сочинителем, и режиссером. В голове постоянно складывались интересные сюжеты. Потом накопленный багаж знаний и наблюдений за человеческими характерами потребовал своего выражения в какой-то определенной форме. Так начались мои литературные опыты. Что же касается истории... В детстве и юности моими любимыми книгами были романы А. Дюма, М. Дрюона, В. Скотта, А. и С. Голон, Генрика Сенкевича. А первой искусствоведческой книгой, которую я прочла еще ребенком, было «Искусство итальянского Возрождения». С тех пор я полюбила романтический колорит прошлых веков, почувствовала магию истории.

— Роман «Оберег волхвов» — о Руси XII века. Почему вас увлекла эта тема?

— Мне давно хотелось написать о восточнославянском Средневековье в традициях западноевропейского историко-приключенческого романа — т. е. уделяя основное внимание не идеологии и политологии, а чувствам и отношениям людей, духовной и материальной культуре того времени, романтике путешествий и приключений.

«Оберег волхвов» перенесет читателя в древний Киев, приднепровские степи, Монастырский остров (на Днепре перед порогами), Крым, Византию. На фоне этих знакомых и незнакомых мест разворачивается драма трудной любви героев, разлученных коварными интригами, несчастливым стечением обстоятельств и собственной гордостью. Действие романа происходит в начале XII века. Киевская Русь, ослабленная после княжеских междоусобиц на рубеже веков, вновь достигает единства и могущества при Владимире Мономахе. Библиотеки (впоследствии почти все они погибли во времена татаро-монгольского нашествия), великолепные храмы, иконы и мозаики, школы при монастырях, в том числе и женские, — все это свидетельствовало о достойном месте средневековой Руси домонгольского периода среди европейских стран. А еще именно на Руси, с ее опасными и длинными дорогами, появился отмеченный многими историками особый тип купцов-воинов — грамотных, смелых путешественников, благодаря которым поддерживались мирные связи между странами и народами. Таков главный герой романа Дмитрий.

— И все же описание «седой древности» в романе — далеко не главное. В «Обереге волхвов» открывается целый мир разнообразных чувств и характеров, вполне узнаваемых, несмотря на столетия, которые отделяют нас от героев романа.

— Неудивительно, что они узнаваемы. Время меняет лишь антураж, а душа человека и ныне живет теми же чувствами, страстями, что и десять веков назад.

— Александра, я знаю, что ваша жизнь была далеко не безоблачна, вам пришлось пережить потери близких лю-

дей, тяжелую болезнь. И, несмотря на это, в ваших произведениях нет мрачности, они несут жизнеутверждающую, светлую энергетику, даже когда вы пишете о весьма драматичных событиях...

— Творчество помогло мне выжить, найти внутреннюю опору, и я дала себе слово: буду писать так, чтобы душа читателя не погружалась в мрачные бездны пессимизма, а наполнялась верой в красоту, в возможности человека. Я считаю, что искусство должно дарить надежду и любовь к жизни.

— **В своих книгах вам удается популяризировать и романтизировать восточнославянскую историю. Ваш следующий роман тоже будет посвящен этой тематике?**

— В следующем романе читатели встретятся с героями «Оберега волхвов» спустя 35 лет, во времена княжеских междоусобиц на Руси и Крестовых походов в Западной Европе. Главной героиней становится Мария, младшая дочь Анны и Дмитрия. Среди персонажей романа — внук Мономаха Изяслав Мстиславич, французский король Людовик VII, королева Элеонора Аквитанская, известные трубадуры и церковные деятели.

— **Меня, как читателя, ваши романы привлекают еще и тем, что они весьма актуальны, поскольку исследуют становление человеческой личности в условиях переломного времени. Наше время тоже можно назвать переломным. Что бы вы хотели пожелать своим читателям?**

— Душевных сил и веры в лучшее, несмотря ни на что. А еще желаю, чтобы каждый человек смог реализовать возможности, данные ему природой. Свой путь нужно пройти, даже если на его поиски понадобятся большие усилия, затраты и время.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Происшествие на рыночной площади

Весна 1112 года оказалась неудачной для богатого киевского боярина Тимофея Раменского. Умерла его свояченица игуменья Евдокия, воспитавшая Анну, дочь Тимофея от первого брака. В своем доме боярин все сильнее стал ощущать что-то недоброе, и эти предчувствия угнетали ему душу. А в довершение к домашним неладам объявился именно в его владениях беглый разбойник Быкодер — жестокий и хитрый убийца. Особенно страшный вред нанес Быкодер Раменью¹ — отчине боярина Тимофея, что находилась к северо-западу от Киева, на землях, отвоеванных у дремучих древлянских лесов. Разбойник жег избы в раменских селениях, с небывалой жестокостью убивал одиноких путников, а девушек и молодых женщин подстерегал и утаскивал в свою лесную берлогу, где ожидал их ужасный конец. И хотя действовал Быкодер один, без шайки, — никто не мог выследить и поймать душегуба. Люди уже стали считать его дьяволом, антихристом. А старики, не забывшие еще древних богов и волхвов, шептали, что это Перун мстит киевской земле за свое поругание. Напуганные страшными рассказами о разбойнике, жители Раменья начали покидать свои села и слободки, уходя под защиту городских стен. Кровожадный и неуловимый злодей пугал их не меньше, чем голод или набеги половцев.

---

¹ Раменье — густой лес (*старослав.*).

Боярин Тимофей стал опасаться, что скоро его тиунам¹ не с кого будет собирать дань в Раменье, да и сами они не осмелятся туда поехать. И тогда, посоветовавшись с великим князем, боярин объявил награду за поимку разбойника.

В ту пору на Руси великим князем был Святополк-Михаил, занявший некогда Киевский престол благодаря великодушью своего двоюродного брата Владимира Мономаха. Мономах, этот князь-воин, любимый народом защитник Руси от кочевников, мог бы стать великим князем после смерти своего отца Всеволода Ярославича, но уступил престол Святополку, сыну Изяслава, со словами: «Отец его был старее и княжил в столице прежде моего отца; не хочу кровопролития и войны междоусобной».

Князь Святополк был благосклонен к боярину Раменскому и пообещал ему, что заставит других бояр и купцов войти в долю с Тимофеем, потому что ведь и в их владения мог забраться нелюдь-Быкодер.

Но то, что пугало людей в глухих лесах и отдаленных селениях, казалось не таким уж страшным среди бойкого киевского торжища на Подоле². Здесь было, как всегда, пестро и многолюдно. Подворья иноземных купцов, лавки менял и мастерские ремесленников располагались рядом, а потому торговая площадь радовала глаз разнообразием товаров и одежды. Здесь каждый был занят своим делом: кто куплей-продажей, а кто — наблюдениями и расспросами. Немало было и таких, которые попрошайничали или высматривали, где что плохо лежит. Были и хвастуны, пришедшие на площадь лишь затем, чтобы покрасоваться, себя показать. Были и угрюмые, оборванные рабы. Всякие люди приходили на торжище и разговоры вели самые разные. Но о Быкодере не так уж много говорили. А иные грид-

---

¹ Тиун — управляющий хозяйством князя или боярина, а также судебный агент.

² Подол в Средние века был ремесленным и торговым центром Киева.

ни¹, княжие отроки² и молодые купцы вообще посмеивались, считая, что Быкодер — выдумка темных древлянских смердов³, что-то вроде очередной сказки о Соловье-разбойнике или Идолище поганом.

Трудно было чем-то удивить бойких завсегдаев рыночной площади. И все же появление некоего лица вызвало интерес у многих. Не обращая внимания на удивленные возгласы зевак, к торговым рядам медленно и важно приближался молодой красавец в одежде из бархата и царьградского шелка, в сафьяновых сапогах с позолоченными шпорами. Его дорогой красный плащ был небрежно откинут назад, дабы не скрывать расшитые золотыми нитями оплечья. Парчовая шапка с собольей оторочкой, лихо заломленная на одно ухо, непонятно каким чудом удерживалась на русских кудрях. На груди его красовалась тяжелая золотая цепь, на пальцах и на рукояти сабли сверкали самоцветы. Рядом с роскошным щеголем вышагивали два спутника, одетые как княжие отроки. Один из них нес расшитую шелком суму — очевидно, для покупки дорогих товаров. Другой же с важным видом держал над головой своего господина диковинный и очень модный предмет, который иноземцы называли «парасоль», а местные жители — «подсолнучник». Это сооружение защищало белое лицо господина от ранних и уже довольно жгучих лучей майского солнца.

Женщины и девушки всех сословий — кто открыто, а кто украдкой — провожали глазами нарядного красавца.

В числе прочих смотрела на него не отрываясь и Надежда — дочь искуснейшего в Киеве гончара Вышаты. Она торговала в посудных рядах изделиями своего отца, к которым и сама прикладывала руку, ибо от природы был у нее талант рисовальщицы. Во многом благодаря ее росписям горшки и кувшины Вышаты шли нарасхват. Гончар был человеком

---

¹ Гридень — воин.

² Княжий отрок — младший член княжеской дружины.

³ Смерд — крестьянин.

строгим и дочь свою на торжище старался не пускать. Обычно Надежда помогала отцу в мастерской или управлялась по дому, а продажей посуды занималась жена гончара да кто-нибудь из его подмастерьев. Но сейчас заболела младшая дочь Вышаты, а потому жена осталась дома.

Надежде пришла помогать ее подруга Варвара. Эти девушки составляли в своем роде заметную пару. Надежда была на редкость красива, но при этом излишне скромна и ненаходчива в разговоре. Варвара же, дочь корчмаря, была, напротив, девицей бойкой и острой на язык и, хотя красотой не отличалась, могла привлечь кокетливым и веселым нравом. Девушкам помогал Ореша — молодой подмастерье гончара.

Тут же крутились еще два парня. Это были завсегда на рынке Юрята и Гнездило. Они занимались доставкой товаров в дома бояр и знатных горожан и любили прихвастнуть своими знакомствами и осведомленностью. Привлеченные красотой Надежды и бойкостью Варвары, молодые люди набивались к ним в добровольные помощники.

Появление на площади неизвестного красавца заметила вначале Надежда, потом — Варвара, которая тут же и высказалась по этому поводу:

— Глядите, какой князь! Ну, прямо Чурила Пленкович!¹ Интересно, откуда прибыл?

Юрята и Гнездило тут же повернулись взглянуть на примечательную фигуру.

— А ведь и правда — князь, — сообщил Юрята. — Только без княжества. И даже без удела. Один блеск да гордыня.

— Как же может быть князь без удела? — не поверила Варвара.

— А он вроде как блуждающий князь, — засмеялся Юрята. — То там, то сям пытается сесть. После смерти его отца все перешло к брату, а этот молодец без земли остался.

---

¹ Чурила Пленкович — персонаж нескольких былин Киевского цикла, щеголь и дамский угодник.

— Что ж, уделы теперь дробятся, — заметил Гнездило. — И если этот княжич с родней отца не поладил, то и неудивительно, что стал безземельным.

— Разодет он так, наверное, в долг. Но долги вернет из дядюшкиного наследства. У него со стороны матери есть богатый дядюшка боярин где-то поближе к Теревовлю, — сообщил Юрята.

— И откуда ты все знаешь? — удивилась Варвара.

— А ты разве забыла, что я поставляю товары в дома к знатым людям? Среди прочих и боярину Тимофею Раменскому. Так вот, этот князь — зовут его Глеб — остановился в доме у боярина Тимофея. И знаете почему? Поговаривают, что боярин имеет на него виды как на жениха своей дочери.

— Боярышни Анны? — встрепенулась Надежда. — Той самой, которой никто в Киеве не видел?

— Ну да, той самой, что с малолетства живет в монастыре у тетки. Говорят, она слабоумная и к тому же больно неказистая, рябая.

— Что с того. Зато она боярышня и с богатым приданным, — вздохнула Надежда. — Ей и за такого князя можно...

— А тебе он уже понравился, что ли? — ревниво спросил Юрята и приосанился, вытянувшись во весь свой невеликий рост. — Ишь, засмотрелась...

— А почему бы нам и не засмотреться на такого красавца? — задиристо спросила Варвара. — На тебя, что ль, смотреть, коротыш, или вот на Гнездилку рыжего?

— Красавица отыскалась, — проворчал Юрята. — А на этого князя глаз положили и поважнее вас. Не удивлюсь, если его у боярышни Анны отобьют.

— Кто же? — в один голос спросили Варвара и Надежда.

— А падчерица боярина Тимофея. Та самая Берислава-Устинья.

— Дочка Завиды?

— Да. Дочка ее от первого мужа. Красотка известная.

— И, говорят, такая же ведьма, как мать, — добавил Гнездило. — Тоже и в колдовстве ведает, и в зельях приворотных, и во всяких заговорах.

— Ну, значит, сведет она с ума этого князя, а от боярышни Анны его отвадит, — подвела итог Варвара.

Увлеченные разговором, девушки не обращали внимания на покупателей, предоставив взлохмаченному Ореше самому заниматься торговлей. И только звон разбитого горшка, что выскользнул из рук суетливого подмастерья, заставил их наконец вернуться к посуде. Звон привлек внимание и приезжего красавца. Посмотрев в сторону посудного ряда, князь Глеб сразу заметил хорошенькое личико Надежды. В несколько шагов он приблизился к ней, окинул ее с ног до головы оценивающим взглядом. Девушка была невысокого роста, но стройная и ладная. Густые темно-русые волосы ее, перехваченные алой лентой, подчеркивали белизну гладкой кожи. Смутившись под пристальным взглядом князя, она опустила свои большие ореховые глаза и залилась румянцем, отчего стала еще привлекательней.

— А вот и главное украшение этой площади, — сказал Глеб, опершись локтем о поставец с посудой и приблизив свое лицо к лицу Надежды. — В разных землях я бывал и могу сказать точно: такую красавицу, как ты, редко повстречаешь. Как зовут тебя, царевна? Чья ты дочь?

— Я не царевна, а дочь простого гончара, — ответила девушка, решившись наконец поднять на него глаза.

— Ну уж не простого, — вмешалась Варвара. — Отец Надежды — Вышата, лучший гончар в Киеве.

— Значит, тебя зовут Надеждой? Хорошее имя. Но, по моему, тебе больше подходит Ясноцвета.

Заигрывания князя с Надеждой не остались незамеченными. Многие с любопытством наблюдали сценку у посудного ряда. Кто-то уже отправился в мастерскую Вышаты, чтобы сообщить ему о таком внимании к его дочери.

Заметили князя и двое людей — мужчина и женщина, — только что пришедшие на площадь. Женщина, на вид лет сорока, высокая и худая, с благородной осанкой, была одета в очень строгую темную одежду. На ее бледном лице, еще сохранившем былую красоту, угадывалась печать пережитых страданий; горечь таилась в глубине миндалевидных черных глаз. Мало кто теперь узнавал эту рано увядшую красавицу. А между тем она была правнучкой Владимира Святого, внучкой Ярослава Мудрого, дочерью ученого князя Всеволода, сестрой князя-воина Владимира Мономаха, женой — а теперь уже вдовой — германского императора Генриха IV. Княжна Евпраксия Всеволодовна, она же императрица Праксед-Адельгейда, давно уже вела уединенную жизнь в одном из киевских монастырей и на люди показывалась редко. В этот день она лишь затем пришла на торговую площадь, чтобы помочь молодому художнику Феофану купить краски у иноземных купцов. Евпраксия много повидала во время горестных скитаний по Европе, а от отца своего, князя Всеволода, унаследовала способности к языкам. Потому и не было у монастырских иконописцев и книжников лучшего советчика, чем эта некогда знатная, а теперь всеми забытая женщина.

Феофан, спутник Евпраксии, учился своему мастерству у греческих художников и украсил рисунками множество книг, а теперь расписывал церковь при монастыре, где жила Евпраксия. Бог дал ему талант, но не отпустил даже крупницы внешней привлекательности. Феофан был некрасив до безобразия и к тому же горбат. Правда, горб он получил не в раннем возрасте, потому не был, как большинство горбунов, маленького роста, а скорее — среднего.

Евпраксия и Феофан знали Надежду: она иногда приносила посуду в монастырь. Слышали они и о Глебе, а Евпраксия даже была с ним знакома несколько лет назад.

— Не нравится мне, что он эту девочку смущает, — пробормотала она как бы про себя. — Надежда совсем еще ребенок, а Глеб...

Феофану это тем более не нравилось — он ведь тайно и без всякой надежды на взаимность был влюблен в молоденькую дочь гончара. Теперь Феофан угрюмо молчал, не сводя пристального взгляда с князя и девушки.

Появился гончар Вышата и стал сурово выговаривать дочери:

— Я тебя послал посудой торговать, а не с приезжими молодцами любезничать! Негоже честной девушке так себя вести.

— Но что я сделала? — растерялась Надежда. — Я же не виновата...

— Зачем ты дочь свою ругаешь, гончар? — вступился за нее Глеб. — Это я к ней подошел и на разговор ее вызвал.

— Ты, я слышал, — князь? — обратился к нему Вышата. — А моя дочь — не княжна и не боярышня. О чем тебе с ней толковать? Хочешь посуду купить — покупай, но голову девушке не кружи. А ты, дочка, сама должна понимать, что князь тебе не ровня. Доброе имя легко потерять, если вести себя без оглядки. Иди домой, Надежда, тут тебе не место.

Девушка вздохнула и, украдкой оглянувшись на Глеба, пошла с площади. После ее ухода князь сразу же потерял интерес к гончарным изделиям и, повернувшись спиной к Вышате, удалился прочь. Через несколько шагов он столкнулся с Евпраксией и Феофаном.

— Вижу, сударь мой, ты привычек своих не поменял, — сурово сказала Евпраксия, преграждая ему путь. — Все так же любишь хвост распускать, словно райская птица павлин. Да только вот что я тебе скажу: ищи ягоды на своем поле, а невинную душу не тронь.

Глеб не сразу узнал в строгой монахине дочь великого князя. Несколько мгновений он изумленно всматривался в ее черты, а потом воскликнул:

— Ты ли это, Евпраксия Всеволодовна?! А я уж года два назад слышал, что ты умерла.

— Да, появлялись такие слухи, когда я ходила к святым местам. Но я умерла только для мирской жизни. Люди обо мне почти забыли, зато Господь наконец вспомнил.

— Так ты теперь уединилась в монастыре и замаливаешь свои грехи? — усмехнулся князь.

Евпраксия не обратила внимания на его насмешку и все так же сурово сказала:

— Кто в чем грешен — о том Богу судить. А ты, сударь, уходи от греха подальше и не смей искушать эту девочку, Надежду, иначе я всем расскажу, какой ты хвастун и распутник.

— Не тебе, сударыня, меня упрекать! — воскликнул Глеб, молодежато подбоченясь. — Распутником меня называешь, а сама-то ты кто? Уж так прославилась повсюду, что даже скоморохи о тебе поют. И не только у нас. Я недавно ездил с посольством в Германию. Там до сих пор не утихли слухи о твоих приключениях. Да и в Польше и в Чехии был я наслышан...

— А я была наслышана, как ты из Германии с позором бежал, — перебила его Евпраксия. — Поспорил там с одним офицером, а когда он тебя на поединок вызвал, ты струсил и ночью сбежал из Регенсбурга. Да еще все деньги с собой прихватил, так что люди твои там нищими остались, пришлось им едва ли не побираться.

— Это все наветы! Не струсил я и не сбежал! Мне пришлось срочно уехать, потому что за мной прибыл гонец от нашего князя.

— Нет, именно сбежал! С толмачом и двумя крепкими дружинниками для охраны. И какой бы это князь за тобой гонцов посылал? Разве что княгиня или боярыня...

— Лучше молчи, а не то скажу, какая ты...

Бранное слово готово было сорваться с уст князя, — но вдруг вперед стрелой вылетел Феофан и кинулся на спорщика. Однако ударить не успел: Глеб отклонился в сторону, а потом с силой оттолкнул художника от себя. Тут же один из спутников князя быстрым ударом повалил Феофана на землю.

Евпраксия с гневным восклицанием бросилась между Феофаном и Глебом, но князь грубо отстранил ее и снова замахнулся на едва поднявшегося художника.

Однако руку Глеба, уже занесенную для удара, кто-то крепко схватил и дернул назад. Глеб, с трудом удержав равновесие, оглянулся и тут же услышал насмешливый голос:

— Не много чести — сражаться с женщинами да с художниками! Хочешь показать свою удаль — выбирай воина!

В первую секунду Глеб схватился было за саблю, но, рассмотрев своего противника, предпочел не доводить дело до драки, а ограничился словами:

— С воином княжеского рода я бы сразился, но с таким безродным купчишкой, как ты, — не соизволю!

— Да ведь и ты не бог весть какой князь! Десятая вода на киселе. Но не в родовитости дело. У князя доблесть должна быть княжеская. А я тебя еще с похода на Дон¹ запомнил. Ты был храбрым, только когда стоял позади воинов и отдавал команды. Но и команды твои были неверны.

— Не тебе меня учить, голодранец!

— Голодранец? Нет, врешь; я был богатым купцом, да деньги свои потратил, чтобы выкупить друзей из плена. И раз уж я тебя помню, то и ты меня не забыл.

Рыночные зеваки уже со всех сторон обступили спорщиков. Противником Глеба был молодой мужчина высокого роста и крепкого телосложения, черноволосый, смуглый, с горящими черными глазами. Одет он был просто и, пожалуй, бедно, но от этого его облик не становился менее значительным и не проигрывал даже рядом с роскошно наряженным князем. Несколько мгновений противники меряли друг друга взглядами, а потом Глеб с неприязнью заявил:

— Припоминаю. Ты — известный своей дерзостью Дмитрий Клинец, торгаш и бродяга. К тому же сын половчанки.

— Да. Ну и что? Моя мать была крещеной половчанкой. Многие знатные люди женились на половецких красавицах. Случалось, что и великие князья. Вот и у Святополка женой

---

¹ Дон — Северный Донец, куда русские дружины ходили на половцев в 1109 и 1111 гг.

была дочь Тугоркана. Может, ты и великого князя будешь этим упрекать?

— Не стану я с тобой препираться. Лучше уйди с дороги.

— А не уйду — что тогда? — насмешливо спросил Дмитрий, уперев руки в бока и заслоняя князю путь. — Может, я хочу, чтобы ты извинился перед этой достойной женщиной. — Он кивнул в сторону Евпраксии.

Тем временем княжие отроки, увидев, какой оборот принимает дело, передали вещи прислужнику, а сами стали по обе стороны от своего господина и положили руки на оружие.

— Уходи, не то хуже будет, — угрожающе произнес Глеб.

Дмитрий засмеялся, сверкнув белыми зубами на смуглом лице, и окинул собеседника пронизывающим, дерзким взглядом. Половецкая кровь сказала в нем лишь смоляной окраской волос и бронзовым оттенком кожи, но не сделала его глаза раскосыми, а скулы — широкими. Правильные черты лица, разрез крупных глаз и легкую волнистость волос он унаследовал по отцовской линии, — а отец его был коренной русич.

Видя, что противник не отступает, и не желая выглядеть проигравшим в глазах толпы, Глеб кивнул своим спутникам и, сделав пару шагов назад, обнажил драгоценную саблю. Тотчас отроки подскочили к Дмитрию с двух сторон и схватили его за руки. Резко развернувшись и встряхнув плечами, он освободился от них и вытащил свой меч из ножен. Тут и отроки взялись за оружие.

— Так ты на поединок меня вызываешь или хочешь, чтоб я сразу с троими сразился? — насмешливо спросил Дмитрий.

— Я ведь уже сказал, что мне с тобой драться не по чину, — процедил сквозь зубы князь. — Но если хочешь — выставлю против тебя поединщика.

— Согласен сразу с двумя твоими отроками драться, да еще и с тобой в придачу, если ты попросишь прощения у этой женщины.

— Что ж, она знатная государыня, у нее не зазорно прощения попросить. — Глеб, усмехаясь, кивнул в сторону Евпраксии.

Любопытная толпа расступилась, освобождая место для драки. Дмитрий быстро приготовился к бою, легко отражая нападки не слишком умелых, но ретивых вояк, да при этом приговаривая с усмешкой:

— Неудобно мне с такими воробьями сражаться. Становись рядом с ними, князь! Интересно будет узнать, у тебя эта сабля для украшения или еще и для дела годится? Ишь, как самоцветы на ней сверкают!

Насмешки Дмитрия и дурашливые выкрики из толпы раздражали Глеба. Он кусал губы от досады, но не знал, как поступить. Наконец Дмитрию надоело играть с неопытными юнцами, и он выбил саблю у одного, потом у другого и поочередно шлепнул их по бокам плоской стороной меча. Пристыженные парни угрюмо поплелись прочь, а Дмитрий обратился к Глебу:

— Вояки твои хоть и неумелые, а все же храбрее тебя. Жаль, что у такого господина они воинскому делу и не научатся. Зато усвоят, что можно нападать втроем на одного.

— Если бы ты пришел сюда не один, а со своими людьми, так тоже бы их на помощь призвал, — возразил Глеб, все еще не решаясь ни спрятать оружие, ни пустить его в ход. — Я не виноват, что у такого голодранца, как ты, нет ни слуг, ни дружинников.

— Думаешь, я один здесь хожу? — усмехнулся Дмитрий. — Ошибаешься. Мои друзья все время недалеко стояли, да только не стали мне мешать. Ведь зазорно было бы нам втроем драться с такими воинами, как ты и твои слуги.

К Дмитрию неторопливо приблизились два его друга: белокурый здоровяк Шумило родом из Новгорода и смуглый худощавый Никифор — грек по происхождению.

— Это, должно быть, те самые дружки, которых ты у половцев из плена выкупил? — язвительным тоном спросил Глеб. — Дорого же они тебе обошлись.

— А дружба вообще дорогого стоит, — заявил Дмитрий. — Еще князь Владимир говаривал: «Серебром и золотом не найдешь себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото».

— А вот ты, князь, все хочешь иметь, не расплачиваясь, — обратился к Глебу Шумило. — Слышал я, как ты придумывал закупам¹ всякие провинности, чтобы обращать их в рабство. Так бесплатно себе холопов и понабрал. Недаром же на Новгородском вече против тебя столько людей кричало.

— Не было такого! — вскинулся Глеб. — Да и кто тебе поверит? Ты ведь Шумило-гусляр, площадной скоморох.

— На гусях играю, но не скоморох, — возразил Шумило, хмуря брови. — Я из плотницкой семьи, и тебе это известно. Разве не ты заказывал повозку моему отцу, когда жил в Новгороде?

— Да ты и не плотник вовсе, а так, перекаати-поле, — с натянутой улыбкой заявил князь, перебегая глазами с Дмитрия на Шумило и обратно. — Развлекай тут своих дружков, а мне с вами говорить — только честь свою ронять.

Князь повернулся и с важным видом, хотя довольно поспешно, двинулся прочь, рассекая толпу.

— Честь ронять! — усмехнулся ему вслед Шумило. — Нельзя уронить то, чего не имеешь.

Подскочил вездесущий Юрята и, кивнув в сторону Глеба, сказал:

— Наверное, пошел в дом к боярину Тимофею Раменскому. А уж там его Берислава утешит.

— Что за боярин Раменский? — спросил Дмитрий. — Не тот ли, который награду за Быкодера установил?

— Он самый, — подтвердил Юрята. — Его отчина сильно пострадала от Быкодера.

— А Глеб ему кем приходится?

---

¹ Закуп — категория феодально зависимого населения. Закупками становились люди, попавшие в долговую зависимость; часто они обращались в рабство как законными, так и незаконными способами.

— Он у боярина Тимофея вроде как будущий зять принят. Только непонятно, кто станет его невестой — дочка боярина Анна или его падчерица Берислава-Устинья.

— А этот боярин у князя Святополка в любимцах? — спросил Дмитрий.

— Говорят, не столько он, сколько его жена Завида.

Тут Никифор не без сарказма заметил:

— О, если бы этот боярин жил в Константинополе, так наверняка высоко бы поднялся по пресловутой лестнице, о которой неверные жены говорят: «С нашей помощью вы даже против своей воли взойдете на все семьдесят две ступени»¹.

Никифор и Дмитрий рассмеялись вместе, ибо только они двое в толпе понимали, о чем речь. Впрочем, остроу на счет 72 ступеней могла бы понять и Евпраксия, но она с Феофаном стояла поодаль и не расслышала этих слов.

Симпатии рыночной площади были на стороне Дмитрия. Особенно старался похвалить его гончар Вышата, довольный, что молодой купец пристыдил заносчивого князя, пристававшего к Надежде.

Под одобрительные возгласы толпы Дмитрий и его друзья проследовали дальше, в менее людное место. Тут Евпраксия и Феофан приблизились к ним.

— Хочу поблагодарить тебя, — обратилась Евпраксия к Дмитрию. — Мы с тобой не знакомы, но вижу, ты человек благородный, если вступаешься за тех, кто слабее.

— И от меня спасибо, — добавил Феофан, неловко прикрывая подбитую щеку. — Я бы, конечно, и сам дал отпор этому хвастуну, если б у меня оружие было.

Шумило усмехнулся в кулак, а Никифор ободряюще сказал художнику:

— Твое дело — церкви расписывать, а не ломать пальцы в драках.

---

¹ Семьдесят две ступени — придворные звания византийской таблицы о рангах.

— Я слышала, что тебя зовут Дмитрий Клинец, — продолжила Евпраксия. — Значит, ты родом из Клинов? Не сын ли ты Степана Ловчанина?

— Он самый. Откуда знаешь обо мне, госпожа?

— Брат сказывал, что был такой Степан из Клинов — первейший лучник, отличался в боях и на ловах. И женат был на крещеной половецкой красавице. Вот я и догадалась, что ты его сын.

— Да, отец мой был одним из лучших стрелков в войске Мономаха. А погиб под Зарубом от предательской стрелы... Неужто князь Мономах до сих пор его помнит?

— Он помнит всех своих лучших воинов... — Евпраксия вздохнула. — Брат потерпел в жизни только одно поражение — на Стугне, когда половцы забросали войско русичей стрелами, как тучей. С тех пор Мономах завел и у себя искусных стрелков. А Степан был первейшим из них. Как же его не помнить? Да и ты, я слыхала, отличился в походе на Дон. Говорили дружинники: «Сын Степана Ловчанина хоть и купец, а умеет управляться и мечом, и саблей, и копьем, и стрелами». Это и неудивительно. Русский купец — всегда воин. В одной руке кошелек держит, в другой — меч. Такие у нас торговые пути, что купеческий караван снаряжается, как военный отряд.

Разговаривая с Евпраксией, Дмитрий и его спутники миновали рыночную площадь, вышли на пустырь вдоль дубового тына, ограждавшего подворья иноземных торговых гостей. Яркое, но не палящее майское солнце освободилось от легкой тучки, и в его лучах свежая зелень засияла нарядным изумрудным цветом, купол церкви Св. Ильи вспыхнул золотыми бликами. Дмитрий поднял голову, прижмурил глаза от небесного сияния и чувствуя, как беспричинный восторг наполняет душу. Какое-то смутное предчувствие подсказывало ему, что красота майского дня — это лишь начало его пути к чему-то волнующе-прекрасному.

Спутники с удивлением отметили внезапную задумчивость Дмитрия, а он, предупреждая их вопросы, кивнул в сторону иноземных подворий и сказал:

— Сколько людей к нам приезжает! Греки, немцы, фряги¹, армяне, моравы, венгры, евреи... Сколько на свете разных земель! И везде свои красоты, свои обычаи... Трех жизней не хватит, чтобы весь мир объехать. Эх, если б можно было, как в арабской сказке, сесть на ковер-самолет!..

Евпраксия внимательно посмотрела на Дмитрия и спросила:

— А ты больше всего на свете любишь путешествия?

— А как же иначе? Разве это жизнь — сидеть на одном месте, где все давно знакомо и ничего нового не увидишь, не услышишь? Для меня жизнь — только в странствиях. Наверное, потому я и стал купцом.

— Но ведь странствия, дороги — это всегда опасность.

— Зато когда опасность преодолеешь, — словно крылья вырастают.

— У тебя и друзья такие же? — Евпраксия кивнула в сторону Никифора и Шумилы.

— Нам тоже на месте не сидится, — подтвердил Никифор. — Мы и познакомились-то в дороге. А после нас битва сдружила.

— Битва?

— Да. Когда у Крарийского перевоза напали на торговый караван кочевники, не быть бы мне в живых, если б не Дмитрий. Уже кривая сабля нацелилась на мою шею, — но стрела Дмитрия оказалась быстрей. А Шумило и тогда уже был известным силачом: прямо на ходу стаскивал поганых с лошадей и валил их голыми руками.

Евпраксия окинула взглядом здоровяка Шумилу, спросила с улыбкой:

— И этикие ручищи могут нежно играть на гусях?

— Я ведь родом из Новгорода, а там, почитай, каждый третий — гусяр, а каждый второй — плотник.

— А ты, Никифор, — Евпраксия повернулась к греку, — ты, кажется, из знатного византийского рода?

---

¹ Фряги — итальянцы (в основном генуэзцы и венецианцы).

— Да, но обедневшего. Я рано остался сиротой, и меня взял на воспитание мой единственный родственник — брат матери. Он был священником, близко знал Иоанна Продома. Еще когда Иоанн был киевским митрополитом, дядя вместе со мной отправился к нему на корабле одного купца. Корабль входил в состав торгового флота из Константинополя. Я был совсем еще мальчишкой, но хорошо помню, как мы плыли через Понт, потом вверх по Борисфену... А возле Канева нас встречало войско, присланное князьями для защиты от половцев. Я еще не знал тогда, что Русь станет моей второй родиной, но мне понравилась эта страна. Зеленые дубравы, чистые реки, степи с серебристой травой — все это было просто, не вычурно, но красиво. И люди на Руси оказались красивыми и добродушными. А ведь я боялся, что попаду в темную Скифию, как рисовали ее в Константинополе.

Беседа, они медленно приближались к монастырю, где в уединенной келье жила Евпраксия, а Феофан расписывал стены монастырской церкви.

Дмитрий рассказал бывшей императрице, как ездил в половецкое становище, вел переговоры с Ехиром — главой куреня¹, захватившего в плен Никифора и Шумилу. И хотя молодой купец поднаторел в торговых сделках, но на этот раз сбить цену ему не удалось. Половцы, жадные и отощавшие после трудной зимовки, ни за что не уступали, заявив, что с выгодой продадут пленников в Корсунь², а то и оставят их у себя, сделают из них колодников — ведь молодые сильные рабы им и самим нужны. К тому же они пригрозили искалечить пленников, чтобы те не убежали: разрезать им пятки и в рану засыпать рубленый конский волос. Так и пришлось Дмитрию выложить за друзей все деньги без остатка — все, что было припасено на весеннюю торговую кампанию.

---

¹ Курень — соединения нескольких, в основном патриархальных, родственных семей у кочевых народов.

² Корсунь — русское название Херсонеса Таврического.

— Но это не беда, — подвел итог Дмитрий. — У нас еще есть время. С апреля два торговых каравана ушли по Днепру, а третий отплывает почти через месяц. Вот на него-то мы и должны успеть. Только бы поскорее добыть денег, чтобы закупить товар и ладью для перевозки. А потом вся надежда на удачный торг. В Корсуни у меня есть знакомый корабельщик, я давно заказал ему галиот. Если буду в этот раз с прибытком — и корабль выкуплю, и дела свои поправлю.

— Но зачем тебе морской корабль? — удивилась Евпраксия. — По нашим рекам с порогами он не пройдет. Или ты задумал поселиться в Корсуни и оттуда выходить в Понт и Средиземное море? Но те морские пути давно уже заняты итальянскими и византийскими купцами.

— Ничего, там и для меня место найдется, — улыбнулся Дмитрий. — Если б я хотел только торговать — хватило бы мне ладьи или насада¹. Плавал бы с другими купцами по изъезженному пути из Киева до Царьграда. Но мне надо больше. Хочу бывать и в Трапезунде, и в Эфесе, и в Антиохии, и в итальянских землях. А повезет — дойду до франкского побережья, а то и дальше на запад.

— Странная тяга к морю у степняка, — задумчиво сказала Евпраксия.

— Степь — она тоже как море.

— Пожалуй... А много ли денег тебе надо? Возможно, я смогу помочь.

— Спасибо тебе, госпожа, но к подаркам я не привык, а заниматься у хороших людей не хочу, потому что судьба у меня неверная, могу из странствий не вернуться и долг не уплатить. Конечно, можно взять деньги у ростовщиков, да уж больно процент сейчас высок. От такой лихвы все киевляне стонут, но князь Святополк лихварям покровительствует.

— И не только им, — вздохнула Евпраксия. — Окружил себя Святополк любимцами, а они ему наушничают, вражду

---

¹ Насад — усовершенствованная ладья с палубным перекрытием и высокими бортами.

сеют. Поверил же он когда-то Давиду Игоревичу, что Мономах — тайный злодей, что бедный Василько¹ — враг...

— Что ж делать, не в моей власти поменять великого князя, — усмехнулся Дмитрий. — Но я знаю, как добыть деньги с помощью одного из княжеских любимцев. Тех гривен, которые боярин Тимофей обещает за Быкодера, как раз хватит, чтобы закупить товар, нанять ладью и полностью рассчитаться с корабельщиком. Как думаешь, госпожа, не обманет меня Тимофей? А то ведь может пообещать, а потом цену снизить. И что ему сделаешь? Он у Святополка под крылом.

— Как же он может обмануть в таком деле, — возмущился Шумило, — если при всем честном народе на площади его бирич² зачитывал указ и называл награду за Быкодера!

— Что с того? Награда велика, пока злодей на свободе. А когда его убьют или закуют в цепи, — князю и боярину награда покажется слишком щедрой.

— Ты так говоришь, Дмитрий, будто разбойник уже у тебя в руках, — заметила Евпраксия. — Его еще надо выследить, поймать, одолеть. Награда потому и велика, что никто не может справиться с этим душегубом. Быкодер — не просто разбойник, он — дьявольское отродье. Нелегкие деньги ты решил добывать себе, Дмитрий Клинец.

— Нелегкие, зато сразу большие. Да и не верится мне, что в своих странствиях я не встречал злодеев похуже Быкодера. И потом, я не один буду, нас трое. И мы не темные запуганные смерды и не смиренные монахи-затворники, а люди бывалые. Если уж мы с местным разбойником не справимся, так что же нам делать в море, где можно на турецких пиратов напороться?

---

¹ Теревольский князь Василько был оклеветан и не без ведома Святополка ослеплен. Это вызвало гнев Мономаха и Святославичей. Малодушный Святополк свалил вину на непосредственного исполнителя злодеяния — князя Давида Игоревича.

² Бирич — должностное лицо; вызывал на суд, собирал подати и штрафы, публично зачитывал указы.

— Храбрость не должна быть безрассудной, — вздохнула Евпраксия. — Но думаю, что напоминать тебе об этом излишне. Ты — купец, а значит, человек расчетливый, рассудительный и не будешь зря рисковать. А я желаю тебе удачи... и той жизни, к которой ты стремишься.

Евпраксия перекрестила на прощание Дмитрия и его друзей. Они приняли ее благословение с благодарностью, но, отойдя на несколько шагов, уже заговорили о своем, строя планы на будущее и обсуждая, с чего начать охоту на Быкодера. Предстоящие дела занимали их гораздо больше, чем беседы и советы благочестивых обитателей монастыря.

Зато Евпраксия и Феофан долго стояли у ворот обители и смотрели вслед необычной троице, пока та не скрылась за углом. Жизнь, на которую они добровольно обрекли себя в монастырских стенах, была спокойной и праведной, но застывшей в своем однообразии. А Дмитрий и его друзья промелькнули мимо, как быстрокрылые призраки другой жизни — бурной, деятельной, наполненной опасностями и борьбой, словно паруса — морским ветром...

Впрочем, Евпраксия тоже когда-то испытала в своей жизни бури и опасности и теперь вовсе не жалела о прошлом. Но с мудростью зрелого человека она подумала о той особенной энергии молодости и мужества, которая тянет некоторых людей в большой мир, чтобы познать его и завоевать...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Заговор

Дом боярина Тимофея Раменского был одним из лучших в Киеве. Увенчанный по центру резным теремом¹, а по бокам четырехугольными расписными башенками-повалушами, он красовался среди просторного двора с хозяйственными постройками, конюшней, голубятней и пышно цветущими деревьями сада. Многие горожане, проходя мимо, вздыхали, глядя на эту роскошь и думая, как должны быть счастливы обитатели такого красивого дома.

Между тем за этими крепкими стенами давно уже не было настоящей радости, а шла непрерывная, скрытая от внешнего взгляда борьба.

Главной жертвой этой борьбы был сам боярин Тимофей, ибо он не понимал, что происходит рядом и откуда у него постоянное ощущение опасности и обмана. Вот и сейчас, войдя в одну из горниц второго этажа, он заметил, как сидевшие возле окна Завида и Берислава при его появлении разом смолкли и уткнулись в шитье. В собственном доме он чувствовал себя окруженным тайнами и недомолвками, а изменить ничего не мог. Когда он вслух высказывал свои сомнения и тревоги, Завида сладкими речами всегда умела убедить его, что зря тревожится, что он единственный хозяин в доме и от него нет и не может быть никаких тайн. У Завиды был особый дар завораживать при разговоре своим низким грудным голосом и влекущим взглядом прозрачных

---

¹ Теремом в те времена называли вышку с шатровым верхом над парадной лестницей.

желто-зеленых глаз. Только люди, предубежденные против нее, не поддавались этой таинственной магии.

Боярин постоял, посмотрел на жену и падчерицу неподвижным взглядом, а Завида тут же проворковала: «Вот, решили мы к Троице вышить покрывало для церкви». Усомниться действительно было не в чем, и боярин, вздохнув, молча вышел из комнаты.

Он был высок и еще строен, но выглядел гораздо старше своих сорока трех лет. Старили его и опущенные плечи, и ранняя седина, и борода, как у апостолов на мозаиках Святой Софии. Но главное — старило Тимофея изможденное лицо, по которому пролегли слишком глубокие для его лет морщины. Большие глаза боярина запали, окружились темными тенями, и это придавало ему сходство с образами святых мучеников. Никто не знал — и сам боярин тоже, — что было причиной его ранней старости: скрытая ли болезнь, заботы и тревоги или упадок духа. Сплетники поговаривали, что тому виной усыпляющие снадобья Завиды, которыми она опаивала Тимофея, чтобы полностью подчинить его себе. А сама Завида говорила, что муж плохо выглядит из-за того, что слишком ревностно соблюдает посты и епитимьи.

Едва он вышел из комнаты, как две женщины у окна придвинули головы друг к другу и, забыв об иголках и нитках, заговорили громким шепотом. Они обе были красивы, причем Завида в свои 35 лет выглядела не матерью, а старшей сестрой восемнадцатилетней Бериславы. Сходство матери и дочери было довольно заметным. Только Завида была полней, смуглей, и волосы ее чернотой напоминали вороново крыло, а у Бериславы имели темно-красный оттенок. Глаза же у обеих женщин были совершенно одинаковые: желто-зеленые, с хищным блеском, они, казалось, могли светиться в темноте, как у рыси или дикой кошки.

Именно колдовские глаза Завиды, сверкнув в отдаленной лесной дубраве, когда-то заворожили боярина Тимофея на долгие годы...

После смерти первой жены он безутешно горевал и не думал, что сможет еще кого-то полюбить. Но судьбе было угодно, чтобы однажды во время охоты он оторвался от других ловчих и конь словно сам собой принес его в окруженное лесом селение, где боярин увидел Завиду. И с тех пор Тимофей жил в другом мире, полном опасных и таинственных страстей. А ведь до этого он молился только одному Богу и не верил в силу колдовских чар...

Первая жена боярина, Елена, умерла совсем молодой, когда их дочери Анне едва исполнилось три года. Боярин в то время вел жизнь беспокойную, часто бывал в боях и походах, исполнял княжеские поручения, а потому присматривать за маленькой Анной стала Евфимия, старшая сестра Елены, которая давно приняла постриг и звалась инокиня Евдокия. Когда же через два года после смерти Елены боярин женился вторично, тетушка и вовсе забрала Анну под свою опеку и вскоре уехала с ней в Билгород¹, где в новом монастыре сестра Евдокия стала игуменьей.

Вторая жена боярина, Завида, тоже была вдовой и имела от первого брака дочь Бериславу-Устиныю. Через год после свадьбы у Тимофея и Завиды родился сын Иванко.

Мать Евдокия была недовольна новой женитьбой зятя и старалась держать племянницу подальше от мачехи. Завида и вправду была полной противоположностью первой жене Тимофея.

Елена происходила из семьи набожных христиан, вместе с сестрой училась в женской школе при Андреевском монастыре, основанной дочерью князя Всеволода Анной. Она была обучена чтению, письму, молитвам, церковному пению, шитью и другим рукоделиям. Характер Елены отличался добротой и кротостью, а ее внешняя красота была не жгучей и не броской, но мягкой и спокойной.

---

¹ Билгород — город на реке Ирпень, близ Киева, важный церковно-политический центр Киевской земли.

Иное дело — Завида, родившаяся в землях Черных Клобуков¹, выданная в ранней юности замуж за воеводу из дремучего древлянского края. Казалось, она впитала в себя все языческие силы тех диких уголков Руси, куда не проникло до конца новое учение, где с трудом приживалась просвещенная вера.

Завида знала не молитву, а ворожбу, не церковное пение, а русалочки и грища; не была обучена письму, зато умела варить приворотные и прочие зелья; не любила раздавать милостыню нищим, но была очень щедра к преданным ей слугам — людям всегда странным и, как казалось боярину, зловещим. Даже стоя рядом с Тимофеем в церкви, она словно бы обращала свой взор не на иконы и распятие, а на таинственного идола, спрятанного то ли у нее в душе, то ли в глубине дремучего леса. Яркая, хищная красота ее завораживала, неистовые поцелуи и объятия лишали боярина воли, делали его безоружным пленником этой языческой колдуньи, ведавшей тайнами человеческого естества.

С Еленой боярина Тимофея соединяла светлая и возвышенная любовь, к Завиде же влекла темная страсть, порочность которой он понимал, но был бессилен ей сопротивляться.

В те времена на Руси — хоть со дня крещения и прошло более ста двадцати лет — даже среди знатных и просвещенных людей в ходу была двухименность: одно имя — крестное, христианское, другое — мирское, языческое. Однако в семье Елены и Евфимии приверженность новой вере была так велика, что они не признавали никаких иных имен, кроме христианских. И хотя сестры рано остались сиротами, их твердость во всем, что касалось веры, никто не мог поколебать. Дочь, нареченную во святом крещении Анной, Елена никому не позволяла звать иначе, решительно пресекала попытки нянюшек баюкать крошку под привычными именами Любава или Малинка.

---

¹ Черные Клобуки — разноплеменное тюркское население на южных границах Киевского и Переяславского княжеств, подвластное русским князьям.

Завида же, напротив, с трудом выговаривала христианские имена. Была ли она сама крещеной — этого никто не знал. Но дочь ее имела крестное имя Устинья. Однако Завида предпочитала называть ее Бериславой, желая своей дочери взять от жизни не только славу, но и все мыслимые блага и удовольствия.

Евфимия и Елена унаследовали после смерти родителей значительное состояние, поделенное между ними поровну. Евфимия свою долю потратила на постройку и учреждение монастыря, где стала игуменьей. Елена же, предвидя, что после ее смерти у Анны может появиться мачеха, свою долю наследства завещала дочери и заставила мужа и сестру поклясться, что они не обидят девочку и не принудят ее против воли выходить замуж или стричься в монахини. И, может быть, именно клятва, данная Елене, просветляла затуманенное сознание боярина и пробуждала его угнетенную волю, когда речь заходила об Анне. Так, он согласился с доводами матери Евдокии, что девочке будет лучше у нее, а не в одном доме с мачехой. В глубине души боярин понимал, что мать Евдокия была права, когда говорила, будто Завида может навести порчу на ребенка или, что еще хуже, отвратить душу Анны от истинной веры и прибрать ее к своим рукам. Но в то же время Тимофей помнил обещание не принуждать Анну к монашеству, если только она сама этого не захочет. А мать Евдокия изо всех сил старалась, чтобы племянница именно этого захотела. Тетушка уже была близка к цели, но внезапная смерть помешала ей довести дело до конца и увидеть Анну монахиней.

Против монастыря не возражала и Завида, рассчитывая, что в этом случае расходов будет меньше, чем при замужестве Анны, и, стало быть, кое-что из наследства Елены останется в доме. Что касается владений и состояния самого Тимофея, то тут Завида была спокойна — единственным наследником был ее сын Иванко.

Мать Евдокия не раз говаривала Тимофею, что у Завиды горят глаза на все Еленино наследство, но заполнить его есть

СОДЕРЖАНИЕ

Магия истории.	5
<i>Глава первая</i>	
Происшествие на рыночной площади	8
<i>Глава вторая</i>	
Заговор	28
<i>Глава третья</i>	
Красавица и уродка	39
<i>Глава четвертая</i>	
Сватовство Глеба	50
<i>Глава пятая</i>	
Награда для победителя	64
<i>Глава шестая</i>	
Побег из темницы	84
<i>Глава седьмая</i>	
Покрывало сорвано	104
<i>Глава восьмая</i>	
Воспитание Анны	122
<i>Глава девятая</i>	
Степные разбойники	139
<i>Глава десятая</i>	
Боярышня и гончаровна	157
<i>Глава одиннадцатая</i>	
Тайна предательства раскрыта	171
<i>Глава двенадцатая</i>	
Рассказ Евпраксии	182
<i>Глава тринадцатая</i>	
Морские разбойники	200

<i>Глава четырнадцатая</i>	
Осенние торги	214
<i>Глава пятнадцатая</i>	
Убийцы на ярмарке	226
<i>Глава шестнадцатая</i>	
Загадочное преступление	239
<i>Глава семнадцатая</i>	
Тайные обряды	258
<i>Глава восемнадцатая</i>	
В доме наместника	278
<i>Глава девятнадцатая</i>	
Выздоровление	290
<i>Глава двадцатая</i>	
В Константинополе	304
<i>Глава двадцать первая</i>	
Открытая вражда	317
<i>Глава двадцать вторая</i>	
Заветное имя	329
<i>Глава двадцать третья</i>	
Венчание и бегство	341
<i>Глава двадцать четвертая</i>	
Монастырский остров	356
<i>Глава двадцать пятая</i>	
На улицах Херсонеса	370
<i>Глава двадцать шестая</i>	
Встреча на корабле	382
<i>Глава двадцать седьмая</i>	
Объяснение	392
<i>Глава двадцать восьмая</i>	
Вести из Киева	409

Літературно-художнє видання

Серія «Кохання крізь століття»

ДЕВІЛЬ Александра
Оберег волхвів
(російською мовою)
Роман

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *О. В. Пуцько*
Художній редактор *В. О. Трубчанінов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. В. Колеснікова*

Підписано до друку 16.11.2018. Формат 84x108/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 22,68.
Наклад 8000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Серия «Любовь сквозь века»

ДЕВИЛЬ Александра
Оберег волхвов

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *Е. В. Пунько*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. В. Колесникова*

Подписано в печать 16.11.2018. Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 22,68.
Тираж 8000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Захотливый сюжет роману переносит читача у Київську Русь XII століття. Сміливий та підприємливий купець Дмитрій понад усе цінує людське життя і завжди стає до бою з тими, хто його відбирає, хай то степовий розбійник, морський пірат чи найманый убивця. Але не менше він цінує свободу вибору. Відмовившись від накинutoї йому нареченої, він викликав княжий гнів і потрапив до темниці. Раптом допомога приходить до нього звідти, звідки він найменше її чекав, а разом з нею і кохання...

Девиль А.

Д26   Оберег волхвов : роман / Александра Девиль. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 432 с. — (Серия «Любовь сквозь века», ISBN 978-617-12-5600-2)

ISBN 978-617-12-5408-4

Захватывающий сюжет романа переносит читателя в Киевскую Русь XII века. Смелый и предприимчивый купец Дмитрий больше всего ценит человеческую жизнь и всегда сражается с теми, кто ее отнимает, будь то степной разбойник, морской пират или наемный убийца. Но не меньше ценит он и свободу выбора. Отказываясь от навязанной ему невесты, он навлекает на себя княжеский гнев и попадает в темницу. И внезапно помощь приходит к нему оттуда, откуда он меньше всего ожидал, а вместе с ней и любовь...

УДК 821.161.1(477)